

чтобъ страшно мстить за нее, — что же это такое, если не романтизмъ? А тѣнь несчастливца Патрокла, явившаяся Ахиллу во снѣ?

Только Пелидъ на берегу неумолкну-шумя-щаго моря
Тяжко стѣнающій лежалъ, окруженный толпой
миридонянь,
Ницъ на полянѣ, гдѣ волны лишь шумныя
билися въ берегъ,
Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тре-
вогъ укротитель,
Сладкій разлился: герой истомилъ благород-
ные члены,
Гектора быстро гоня подъ высокой стѣной
Иліона.
Тамъ Ахиллесу явилась душа несчастливца
Патрокла,
Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами пре-
красными сходный;
Та жъ и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу
знакомый...

Тѣнь Патрокла умоляетъ Ахилла о погребе-
ніи и о томъ еще, когда придетъ часъ Ахилла,
то чтобъ кости ихъ покоились въ одной
урнѣ... Ахиллъ отвѣчаетъ возлюбленной тѣни
радостной готовностью совершить ея «за-
вѣты крѣпкіе» и молить ее приблизиться къ
нему для дружнаго объятія...

Рекъ, и жадныя руки любимца обнять рас-
простеръ онъ;
Тщетно: *душа Мекетиды, какъ облако дыма,
сквозь землю*
Съ воємъ ушла. И вскошилъ Ахиллъ, пора-
женный видѣнемъ,
И руками всплеснулъ, и печальный такъ го-
ворилъ онъ:
„Боги! такъ подлинно есть и въ айдовомъ
домѣ подземномъ
„Духъ человѣка и образъ, но онъ совершен-
но безплотный!
„Цѣлую ночь, я видѣлъ, душа несчастливца
Патрокла
„Все надо мною стояла, стѣнающій, плачущій
призракъ;
„Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно
подобаясь!“

Это ли не романтизмъ?

А старецъ Пріамъ, лобызающій руки убій-
цы дѣтей своихъ и умоляющій его о выкупѣ
Гекторова тѣла?

Старецъ, никѣмъ непримѣченный, входитъ
въ покой и, Пелиду
Въ ноги упавъ, обнимаетъ коѣтна и руки
цѣлуетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія
многихъ...
.....
„Вспомни отца своего, Ахиллесь, безсмерт-
нымъ подобный,
„Старца такого жъ, какъ я на порогъ ста-
рости скорбной!
„Можетъ быть, въ самый сей мигъ, и его окру-
живши, сосѣди
„Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя
избавить...
„Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты, и
зная и слыша,
„Сердце тобой веселить и вседневно лѣстится
надеждой
„Милаго сына узрѣть, возвратившагося въ
домъ изъ-подъ Трои,

„Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ воз-
растилъ браноносныхъ
„Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единого
мнѣ не осталось!
„Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи ра-
ти ахейской:
„Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери бы-
ло единой;
„Прочихъ родили другія любезныя жены въ
чертогахъ:
„Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ
несчастнымъ коѣтна,
„Сынъ остался одинъ, защищалъ онъ и градъ
нашъ, и гражданъ;
„Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавша-
гося храбро
„Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ
миридонскимъ;
„Выкупить тѣло его, приношу драгоценный
я выкупъ.
„Храбрый, почти ты боговъ, надъ моимъ зло-
получіемъ сжался,
„Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жа-
локъ!
„Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ
смертный;
„*Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ
присисаю!*“
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ
печальныя думы;
За руку старца онъ взявъ, отъ себя откло-
нилъ его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ у ногъ Ахиллесовыхъ въ
прахъ простертый;
Царь Ахиллесь, то отца вспоминая, то друга
Патрокла,
Плакалъ—и горестный стонъ ихъ кругомъ
раздавался по дому.

Заключимъ наши указанія на романтизмъ
греческій прекрасной эпиграммой, переве-
денной Батюшковымъ же изъ греческой ан-
тологіи; она называется — «Яворъ къ Про-
хожему»:

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ
вьется!
Какъ любить мой полуистлѣвшій пенъ;
Я нѣкогда ему давалъ отраду тѣнь;
Завяль: но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда по-
любенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

Въ основѣ всякаго романтизма непременно
лежитъ мистицизмъ, болѣе или менѣе
мрачный. Это объясняется тѣмъ, что пре-
обладающій элементъ романтизма есть вѣч-
ное и неопредѣленное стремленіе, не уничто-
жаемое никакимъ удовлетвореніемъ. Исто-
чникъ романтизма,—какъ мы уже замѣтили
выше,—есть таинственная внутренность
груди, мистическая сущность бьющагося
кровью сердца. Поэтому у грековъ всѣ бо-
жества любви и ненависти, симпатіи и анти-
патіи были божества подземныя, титани-
ческія, дѣти Урана (неба) и Геи (земли), а
Уранъ и Гея были дѣти Хаоса. Титаны долго
оспаривали могущество боговъ олимпійскихъ,
и хотя громами Зевеса они были низринуты